

ОСОБЕННОСТИ САМОСОЗНАНИЯ И ПРОБЛЕМА ВЗАИМОПЕРЕХОДА МЕНТАЛЬНОСТИ И ЭТНИЧНОСТИ У НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ НА РУБЕЖЕ 1990-х – НАЧАЛА 2000-х гг.

С научных позиций исследуется проблема формирования этнического самосознания населения одного из самых полиэтничных регионов страны – Среднего Поволжья; рассматриваются аспекты этнической идентификации шести наций Волжского речного бассейна как составной части социальной идентичности.

Ключевые слова: этническое самосознание; этнические образования; этническая идентификация; социальная и позитивная идентичность; ментальность.

В период социально-политического возрождения России и повсеместной демократизации всех сфер жизни российского общества социальная стабильность является тем важным фактором, который непосредственно определяет успех проводимых реформ. Этнический аспект данной проблемы особенно актуален в Среднем Поволжье – регионе с богатой историей взаимоотношений между многочисленными населяющими его этническими образованиями. Этап становления и совершенствования правового государства характеризуется наличием достаточно четко обозначенных общественных тенденций, аккумулирующих в себе становление и развитие национальных культурных центров, движение за этнокультурное возрождение народов Поволжья и других этносов. В этой связи любые предпринимаемые здесь политические шаги, затрагивающие межэтнические отношения, должны быть более чем обоснованными и корректными. Осуществлению на практике данного основополагающего условия должно способствовать глубокое понимание ответственными лицами социальных процессов в этнической сфере, невозможное без проведения всесторонних этнопсихологических исследований.

Изучение проблемы этнической идентификации является частью более широкой исследовательской работы, которая связана с изучением социальной идентичности. Этот термин, имеющий междисциплинарные корни, как социально-психологические, так и социологические, отражает представление о стремлении индивида идентифицировать себя с тем или иным сообществом. Оно обостряется при определенных обстоятельствах в исторический период, когда разрушается традиционный уклад, при котором «потребность самоопределения в системе социальных связей не актуализирована» [3. С. 48]. Групповой социальный статус задан в этом укладе жесткими критериями принадлежности к общине, сословию, а также половозрастными функциями [1].

Развитие современных индустриальных обществ принципиально изменяет условия жизни людей, формирует потребность в самоопределении относительно разнообразных групп и общностей, а динамизм и многослойность социальных взаимосвязей так или иначе вызывают необходимость упорядочения и доминирующих, и периферийных «солидарностей».

Генезис идентификации приводит к смещению представлений о группах, с которыми каждый конкретный человек себя соотносит. В том типе общества (его иногда называют постмодернистским), которое сейчас находится в центре внимания психологов, независимо

от национальной принадлежности, человек включается в систему все более глобальных отношений, выходящих за рамки местной локальности и данного временного промежутка.

Изменения, которые происходят в наши дни в России, по мнению В.А. Ядова, напоминают по своему характеру «...культурно-исторический переход от застойного, “традиционного” общества к современному, т.е. динамичному. Происходит сдвиг от прозрачной ясности социальных идентификаций советского типа (“мы – это народ, открывающий миру новые перспективы братства и солидарности всех трудящихся”) к групповым солидарностям “постмодернистского” типа, где практически все амбивалентно, неустойчиво, лишено какого-либо вектора, называемого социальным прогрессом» [3].

Одним из стержневых элементов системы идентичностей «советского» типа было представление о «народов семье единой», о преодолении национальных границ в сознании каждого гражданина. «Человек советский» в том виде, в каком он являлся конструктом официальной идеологии, находился вне национальных рамок [2]. Идеи, которые получили распространение в конце 1970-х гг. (о допустимости и даже необходимости утверждения представлений о так называемой «малой родине»), при некоторой их оппозиционности не являлись чем-то радикально противоположным официальной идеологии. Они приглашали лишь к некоей корректировке официальной модели. Вместе с тем легко обнаруживалось различие между социально одобряемым и декларируемым подходом к межнациональным отношениям как к предмету интернациональной солидарности и постепенному уходу от национального во всех областях жизни, с одной стороны, и тем, что имело место в реальной жизни на бытовом уровне, – с другой. В бытовых отношениях и представлениях отмечались и достаточно высокий уровень национальной солидарности внутри отдельных этнических групп, и элементы межнациональной нетерпимости и напряженности.

Становление новой социальной субъективности в России характеризуется противоречивыми процессами в формировании представлений об общности интересов. С одной стороны, велико недоверие к любым указаниям на общность интересов [3], которое особенно ярко проявляется в отсутствии гражданского общества, с другой – в сознании современников сохраняются представления о себе как части в прошлом советского народа, в настоящем – российского.

В научном изыскании использовался метод сравнительного анализа данных по различным этническим

группам. В соответствии с подходом, разработанным В.А. Ядовым, в ходе проводимого исследования респондентам задавался следующий вопрос: «Встречая в своей жизни разных людей, с одними мы легко находим общий язык, духовную близость, понимаем их. Иные же, хоть и живут рядом, всегда остаются чужими. Если говорить о вас, как часто вы ощущаете близость с разными группами людей – с теми, о ком вы могли бы сказать «это мы»?»

Концепция анализа данных предполагала предварительное распределение объектов идентификации по следующим категориям:

а) идентификация с сообществами различного масштаба – от первичных до самых крупных: семьей и близкими друзьями, жителями данного города (поселка), людьми той же национальности, всеми людьми на планете;

б) возрастная идентификация;

в) идентификация по профессиональному, производственно-организационному и материально-имущественному критериям: с людьми той же профессии, товарищами по работе (учебе), с теми, кто имеет такой же достаток;

г) гражданская идентичность: ощущение близости с россиянами, гражданами СНГ, общностью «советский народ»;

д) политико-идеологические ценностные идентификации: с разделяющими убеждения человека и его взгляды на жизнь; с близкими по политическим позициям; с теми, кто не интересуется политикой;

е) идентификации, формируемые на основе поведенческих стратегий: с теми, кто не любит «высовываться», предпочитает жить, «как большинство других»; с теми, кто не ждет «манны небесной», сам делает свою судьбу и жизнь; с теми, кто не утратил веру в будущее.

В процессе анализа ответы респондента «часто» или «иногда» интерпретировались как свидетельство позитивной идентичности, а «практически никогда» и «трудно сказать» – с негативной.

Для того чтобы региональные процессы проявились в своем своеобразии, была предпринята попытка сравнить данные исследования населения Волжского речного бассейна с данными российского опроса [3]. Следует отметить, что, к сожалению, сравнение результатов этнопсихологических исследований в этом случае ограничивается их методическими параметрами. В основе каждого из опросов лежат различные концепции выборки, ее объем, композиция инструментария, где располагается блок вопросов по идентификации. Различается и время опроса. Однако представляется возможным обсудить общие тенденции как в одном, так в другом случае, оставаясь в границах допустимости при применении статистических процедур.

Итак, идентичности, как предполагалось, были разделены на позитивные и негативные. Ранжирование позитивных идентичностей волжан показывает, что порядок их следования по ведущим показателям не отличается от общероссийского (таблица).

Динамика позитивной идентичности, % опрошенных

Показатель	Ср. Поволжье	Россия	Разница
Семья, близкие друзья	92,9(1)	85,9,(1)	+7,0
Люди того же поколения	81,1 (2)	77,1 (2)	+4,0
Люди, разделяющие те же убеждения и взгляды на жизнь	72,7 (3)	71,6 (4)	+1,1
Товарищи по работе, учебе	70,8 (4)	77,2,(2)	-6,4
Россияне	63,3 (5)	64,9 (6)	-1,5
Люди той же национальности	62,3 (6)	73,6(3)	-10,3
Представители той же профессии	62,2 (6)	71,6 (4)	-9,4
Люди, живущие в том же городе, поселке	61,1 (6)	70,0 (5)	-8,9
Люди того же достатка	52,9 (7)	64,9 (6)	-12,0
Те, кто не утратил веры в будущее	47,1 (8)	61,9 (7)	-14,8
Те, кто не ждет манны небесной	44,6 (9)	60,5 (8)	-15,9
Люди, близкие по политическим взглядам, позициям	40,6 (10)	52,6 (10)	-12,0
Те, кто не любит высовываться	38,7 (11)	54,3 (9)	-15,6
Граждане СНГ	35,7 (12)	38,1 (14)	-2,4
Все люди на планете	33,0 (13)	35,5 (15)	-2,5
Советский народ	32,1 (13)	43,8 (13)	-11,7
Те, кто уверен, что главное везенье	32,0 (13)	46,5 (12)	-14,5
Те, кто не интересуется политикой	31,8 (13)	49,0 (11)	-17,2
Итого (абсолют.)	1750	2000	

Более двух третей опрошенных респондентов-волжан так же, как и все россияне, в первую очередь идентифицируют себя с группами ближайшего окружения (семья, близкие, сверстники, товарищи по работе). Крупные общности («российский народ», «советский народ», «граждане СНГ» и т.п.) располагаются в конце перечня.

Как нам представляется, последние группы, хотя и являются значимыми элементами социального пространства, формируются, главным образом, под воздействием средств массовой информации, порождают символические идентичности. Различия в рангах практически отсутствуют. Вместе с тем можно отметить некоторые региональные различия. Так, идентификация с семьей, близкими, друзьями в Поволжье сильнее, а с российским народом значительно слабее, чем в России в целом.

Анализ результатов исследования по следующему блоку параметров, определяемых социальной дифференциацией (профессией, местом жительства, уровнем материального достатка, национальностью), показывает, что сила идентификации по этим индикаторам равномерно различается в сторону уменьшения по всему списку. Однако они являются довольно сильными, как и идентификации по национальной принадлежности и мировоззрению («те же взгляды на жизнь»). Наиболее заметны различия по ключевым направлениям – этническому (с 73,6 до 62,3%), профессионально-производственному (с 71,6 до 62,2%), достатку (с 52,9 до 64,9%) и месту жительства (с 70 до 61,1%). Данный блок исследования, проведенного в Волжском речном бассейне, как и в российском исследовании, показывает высокую степень интенсивности

идентичности: доля позитивных ответов достигает по некоторым позициям 70%.

Другой блок – идентификации по поведенческим стратегиям и политико-идеологическим ориентациям (интенсивность идентичности – до 50%) – можно интерпретировать как совокупность инструментов, помогающих индивиду описывать социальное пространство и свое место, поведение в нем. По сравнению с результатами российского исследования практически по всем солидарностям этого блока процент ответов на 10–15% снижен.

На наш взгляд, в объяснении выявленных различий наибольшее значение имеют в порядке убывания пространственный, социально-профессиональный, территориально-административный факторы и те общенациональные социально-экономические процессы, которыми был отмечен период второй половины 90-х гг. прошлого столетия. Кризис, охвативший все стороны общества, инфляция, рост цен, снижение доходов большей части населения привели к снижению уровня широкого спектра идентификаций. У волжан ослабевает идентификация, имеющая отношение к идеологии, к сходным моделям поведения; зато крепнет связь с ближайшим окружением – семьей, близкими, кругом профессионального общения.

Обращает на себя внимание этнопсихологический аспект обсуждаемой проблемы. Многие из представленных в выборке национальных групп продемонстрировали определенные отличия в силе идентификаций по отношению к различным социальным группам. Например, у русских выше других идентификация с поколением – всего 12,2% отрицательных ответов на вопрос о солидарности с «людьми того же возраста, поколения», при этом самая высокая позитивная идентификация с «товарищами по работе» (83,6%); с «людьми, придерживающимися тех же убеждений» (81,6%); «россиянами» (71,7%), «людьми того же достатка» (60,8%), теми, «...кто не утратил веры в будущее» (58,8%), «...кто не ждет манны небесной» (64,6%), «...кто не интересуется

политикой» (40,5%), «...кто считает, что главное – везенье» (40,0%).

У другой национальной группы с выраженной национальной спецификой – чувашей – выявилась наиболее низкая идентификация по ряду признаков. Например, больше, чем в других этнических группах, получено отрицательных ответов по поводу солидарности с «людьми того же возраста, поколения» (28,3%), «людьми той же профессии» (45,5%). Позитивная идентификация наиболее низка по отношению к «людям, придерживающимся тех же убеждений» (всего 62,2%), «товарищам по работе» (63,6%).

Ответы мордвы демонстрируют наиболее низкую идентификацию по отношению к тем, «...кто не любит высовываться» (34,7%), «...кто близок по политическим взглядам» (27,6%), «...кто не интересуется политикой» (23,5%), «...кто считает, что главное – везенье» (25,8%). Отмечается низкая идентификация по отношению к «людям той же национальности» (49,5% отрицательных ответов).

У татар наиболее низка негативная идентификация с «людьми той же национальности» (21,9%), а позитивная – с теми, «кто верит в будущее» (41,7%).

Евреи проявляют самый высокий уровень позитивной идентификации с «придерживающимися тех же политических взглядов» (50,5%), а наиболее низкий – с «товарищами по работе» (61,6%), «теми, кто не ждет манны небесной» (34,7%) У них наиболее высока негативная идентификация с «людьми того же возраста, поколения» (25,3%), «россиянами» (48,1%), «людьми, проживающими в той же местности» (50,5%), «людьми того же достатка» (61,2%).

Итак, национальная идентичность по-разному проявляется в различных этнических группах. Анализ данных позволяет увидеть, что наиболее высока она среди татар, русских и евреев, а наиболее низка – среди украинцев и мордвы (рис. 1).

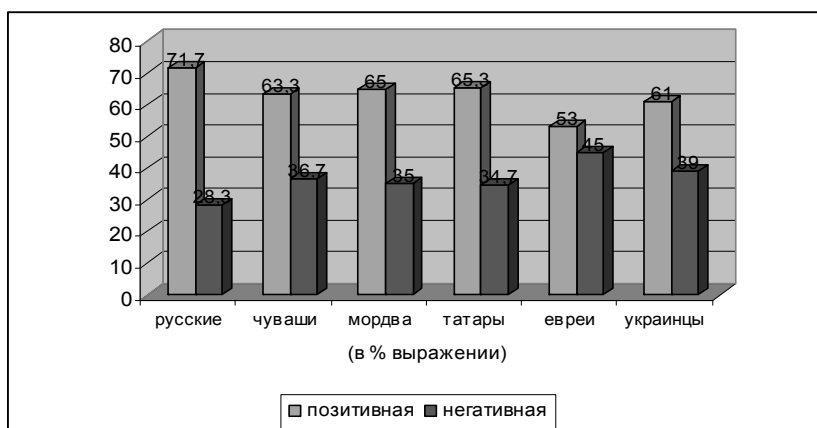

Рис. 1. Показатель негативной и позитивной идентификации различных этнических групп Поволжья по отношению к «россиянам»

Гражданская идентичность (т.е. с россиянами) значимо не различается по большинству национальностей, несколько ниже она у евреев.

Формирование социальных идентичностей в различных этнических группах – предмет отдельного анализа. Для целей исследования необходимо было выяснить, каким образом и под воздействием каких факторов проис-

ходит идентификация индивида с людьми той же национальности и есть ли различия в этом процессе для представителей разных этносов. Решить поставленную задачу возможно, используя процедуры факторного анализа, группирующего сложные корреляционные модели. Факторный анализ позволяет проследить степень связи различных переменных: например, показывает, какие еще

идентификации свойственны людям с более сильной или более слабой национальной идентичностью. В этом плане не ставится целью рассмотрение всего комплекса социальных идентификаций населения (это тема отдельного анализа), поскольку основная проблема данного аспекта исследования – характерные черты самосознания волжан в определенный временной период.

В связи с вышесказанным необходимо отметить определяющее обстоятельство: если не дифференцировать группы по этническому признаку и рассматривать все имеющиеся данные в комплексе, то в фактор идентификации со своей национальностью войдут еще четыре признака: солидарность с семьей, близкими и друзьями; людьми того же возраста, поколения; теми, кто живет в том же городе, поселке; россиянами, т.е. фактор солидарности с различными локальностями. Аналогичные показатели можно отметить и в общероссийском исследовании, проведенном В.А. Ядовым [3].

В этнических группах сходную между собой структуру фактора (имеются в виду вошедшие в него показатели) имеют такие национальности, как русские, чуваша, мордва и украинцы. У представителей мордвы, впрочем, более четко прослеживается географический аспект за счет сокращения составляющих фактор признаков (в него вошли лишь идентификации с россиянами, жителями того же населенного пункта и представителями той же национальности); у русских фактор расширился за счет солидарностей с ближайшим окружением и людьми сходного мировоззрения; а в украинском массовом сознании представление об идентификации со своей национальностью тесно сплетено с понятиями идеологическими и высокого уровня абстракциями – идентификацией с российским народом, гражданами СНГ и всеми людьми на планете.

В представлении членов татарской общины солидарность с представителями собственной национальности в целом так же актуальна, как и идентификация с теми, кто проживает в той же местности, и с теми, кто близок по политическим взглядам, позициям. С полным основанием можно утверждать, что для татарского этноса вопрос национальной идентификации имеет не только и не столько бытовой, сколько политический оттенок.

Массовое сознание евреев в этом отношении характеризуется слабой связью с россиянами, с национальной идентичностью, в гораздо большей степени прослеживается идентификация со своими близкими, семьей и людьми того же возраста, поколения.

Итак, на основании полученных результатов исследования данного аспекта можно констатировать, что в сложившейся этнопсихологической ситуации наиболее значимы идентификации индивида с его ближайшим окружением – семьей, близкими, друзьями. Солидарности по идеологическому, имущественному, поведенческому признакам выражены слабее.

Этническая идентификация в Поволжье в целом занимает не третье место, как это можно констатировать

на основании результатов общероссийских исследований, а шестое. Данный феномен объясняется тем, что в результате многовекового межэтнического и межкультурного взаимодействия волжан представления об этнической идентичности имеют тенденцию к распаду, все менее и менее актуализируются, уступая место наднациональным, личностным идентичностям, т.е. ментальности. Однако необходимо отметить, что вышеобозначенные процессы проявляются неравномерно в различных национальных группах и регионах Волжского речного бассейна. Наиболее интенсивен и последователен взаимопереход этничности и ментальности у населения г. Самары и Самарской области, региона, одного из самых урбанизированных, социально и экономически развитых, высококультурных, а следовательно, этнически толерантных в Поволжье. В наименьшей степени данная тенденция прослеживается в Республике Татарстан.

Идентификации представителей разных этносов Поволжья также имеют свою специфику, которая наиболее ярко выражена среди представителей русских и татар. Для русских характерно сочетание этнической идентичности с солидарностью со своим ближайшим окружением и близкими по мировоззрению людьми. Особенность самосознания татар заключается в том, что у них отчетливо представлен политический аспект идентификации.

Анализируя характерные черты самосознания населения Волжского речного бассейна, необходимо отметить, что обнаружено большое сходство у русских, украинцев, чувашей и мордвы. Этническая идентификация последних связана с представлениями о российском государстве, территориальной принадлежности и близком окружении. Можно предположить, что украинцы, мордва и чуваша, проживающие в Поволжье, – это национальные группы, образ мышления которых подвергается наибольшему влиянию со стороны локальной «практической» культуры.

У евреев, в отличие от других этносов, в этнической идентификации нет ничего территориального, связанного с данной локальностью. Национальные чувства у них носят наиболее интимный характер, коррелирующий с солидарностью со своей семьей, друзьями, а также с людьми того же возраста и поколения.

Таким образом, подытоживая результаты данного научного наблюдения, можно с полным основанием отметить наличие в самосознании волжан конца 1990-х – начала 2000-х гг. четко обозначенной тенденции взаимоперехода ментальности и этничности, что в исследуемом регионе имеет более высокие темпы, чем в целом по стране. Данный факт, бесспорно, является важнейшим критерием поступательного развития межэтнических и межкультурных взаимоотношений не только этносов Поволжья, но и страны в целом, завершающим этапом которого станет формирование у населения «гражданской» российской идентичности и дальнейшего совершенствование демократических основ общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кон И.С. В поисках себя: Личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984.
2. Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х / Под. ред. Ю.А. Левады. М.: Мировой океан, 1993.
3. Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 35–52.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика и психология» 1 марта 2010 г.